УДК 324

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ В РОССИИ: УРОКИ ПЕРВОГО ЕДИНОГО ДНЯ ГОЛОСОВАНИЯ

Зырянов Сергей Григорьевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, директор, заведующий кафедрой политологии и политического управления, доктор политических наук, профессор, г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@rane74.ru

Аннотация
В статье предлагается, обосновывается и рассматривается трехуровневая теоретическая модель процесса институционализации демократических выборов в странах, осуществляющих переход от авторитарно-социалистических политических режимов к демократическим.

Ключевые понятия:
выборы, уровень институционализации, электоральное поведение, политический романтизм, электоральный практицизм, гражданский реализм.

Выборы – один из старейших институтов политической жизни общества, существенный элемент, значимый фактор в современной политике. Выборы – способ формирования органов государственной и муниципальной власти и управления, когда с помощью голосования, проводимого по определенным правилам в соответствии с нормами избирательной системы, осуществляется фиксация политической воли граждан.

В аспекте анализа динамики становления демократических электоральных институтов в условиях постсоветской России, да и других стран бывшего соцлагеря, возможно выделение трех последовательных уровней их институционализации. Первый – низкий уровень политической институционализации – уровень «политического романтизма». Второй – средний уровень политической институционализации – «уровень электорального практицизма». Третий уровень политической институционализации терминологически предлагаем зафиксировать как «уровень гражданского реализма», и его достижение означает либо завершение формирования политического института демократических выборов, либо возврат политического института выборов в исходную точку процесса формирования уже в рамках других сценариев экономического и политического развития российского общества. Более подробно предложенные уровни институционализации электоральных институтов уже были проанализированы автором [6].

Можно предположить, что политическое (включая и электоральное) поведение характеризуется следующими параметрами применительно к разным уровням политической демократической институционализации: при первом уровне оно ориентировано на лидера и репрезентативно описывается концепцией идеологического манипулирования и информационного контроля поведения избирателя; при втором уровне – ориентировано на ценности и, вместе с тем, в основном придерживается норм, репрезентативно описывается социологической концепцией голосования и моделью идентификации с общественно-политическим движением, партией; при третьем уровне оно ориентировано на соблюдение норм и репрезентативно описывается концепцией рационального выбора.

В условиях формирующихся демократических институтов и институтов гражданского общества электоральное поведение, в зависимости от доминирующего типа электоральной культуры («город – село»,

«центр – периферия», «гомогенное – составное сообщество»), вариативно реагирует на новые институты. В основном эти реакции укладываются в три сценария: а) отторжение предлагаемых демократических инноваций и ориентация на сложившиеся образцы политического поведения, традиционные для предыдущего периода или частично модернизированные; б) освоение и усвоение новых политических институтов и практик; в) реинтерпретация новых институтов в русле сложившейся политической культуры и существенное дополнение традиционным ценностно-нормативным контекстом как со стороны власти, так и со стороны электората.

Характеризуя ситуацию в современной России, многие аналитики обращают внимание на то, что, говоря о массовых выступлениях граждан, мы имеем дело скорее с всплесками массовой политической активности как протестной, так и направленной против неё (как это было в первые постперестроечные годы и в декабре 2011, и мае 2012 года), проявляющейся на фоне длительных периодов политической апатии. Понятно, что такого рода ситуация складывается на протяжении ряда лет уже далеко не стихийным образом, ибо при нынешнем уровне централизации всех видов властных ресурсов и функционирования существующей в стране пропагандистской машины направить всю ее мощь в единый смысловой поток и заморозить политическую активность общества, в принципе, не составляет труда, однако этого не происходит. Прежде всего потому, что возвращение «человека действующего», описанного Аленом Туренном, не отвечает интересам властвующей элиты, желающей защитить себя от конкуренции снизу со стороны гражданского общества на долгие годы вперед. Тем не менее, как свидетельствует практика, властвующей элите не удается избежать политической мобилизации масс, поскольку в силу законов политического развития обновление или разрушительный системный кризис закрытой авторитарной политической системы неизбежны.

Можно отметить, что только на протяжении 2011–2013 годов идеология «суверенной демократии», а также «управляемой демократии» как инструменты политического управления стали утрачивать для властвующей элиты свои преимущества, заключавшиеся в четкости, быстроте и предсказуемости принятия политических управленческих решений, в получении гарантированного результата. Характерная для сегодняшнего состояния российской системы власти и политического управления неизбежная структурная перезагрузка возрастает. Эти процессы будут происходить на фоне нарастающей в обществе неудовлетворенности отсутствием динамичного экономического развития, растущей социальной дифференциацией и социальной несправедливостью, коррупцией, межнациональной напряженностью, подогреваемой миграцией. Кроме того, прогрессирует недовольство продолжающимся третье десятилетие системным духовным, моральным и идеологическим кризисом, что также может сказаться на изменении характера массового политического поведения.

Следует подчеркнуть, что процесс институционализации демократических выборов может быть исследован с двух основных подходов. Во-первых, как исторический процесс зарождения и установления новых формальных и неформальных социальных институтов, что позволяет раскрыть причины и условия их возникновения. Во-вторых, как формирование нового устойчивого типа политического поведения, выражающегося в закреплении определенной системы групповых и индивидуальных действий, в связи с процессом адаптации индивидов и групп к новым условиям существования и диктуемыми им нормативными требованиями.

В рамках проведенного анализа процесса институционализации демократических выборов использовались оба подхода.

Итак, рассмотрим трехуровневую теоретическую модель институционализации демократических выборов в России, странах бывшего соцлагеря и СССР и их эвристический потенциал.

Почему уровни, а не этапы? Термин «этап» используется для характеристики (фиксации) отдельного элемента, особой стадии какого-нибудь процесса [11, с. 791]. Обычно речь идет о линейных процессах развития – прогрессивного или регрессивного характера.

Уровень – это термин, характеризующий ступень, достигнутую в развитии чего-либо, качественное состояние, степень этого развития [12, с. 1390]. Этим термином можно характеризовать развитие сложных неравновесных систем, в которых одновременно могут сосуществовать разные уровни качества чего-либо, правда, вступая при этом в диссепативное взаимодействие отношений доминирования, свойственных одному уровню и отношений, ушедших на второй, третий и т.п. план, свойственных другим уровням.

Для утверждения и функционирования каждого из вышеуказанных уровней определяющими признаками выступают:

– возникновение определенных общественных потребностей в новых типах социальной деятельности;

– развитие необходимых организационных структур и связанных с ними норм электорального поведения и электоральной культуры;

– степень интериоризации индивидами новых социальных норм и ценностей, формирование на их основе системы потребностей личности, ценностных ориентаций и ожиданий.

Первый уровень политической институционализации – «уровень политического романтизма» характеризуется следующими отличительными признаками (набор не полный): слабостью государства как социального института; высокой общественно-политической активностью населения; слабым влиянием прикладных технологий манипулирования общественным поведением; значительным авторитетом масс-медиа в вопросах формирования норм электорального поведения; активной критикой предшествующего исторического этапа развития; стремлением найти идеологию, способную быстро стать востребованной, вынужденный конкурентный характер соперничества между основными политическими группами, обусловленный слабостью их ресурсов и неустойчивостью положения.

Так в странах бывшего соцлагеря в рамках уровня политического романтизма квазитрадиционный способ социально-политического мышления проявился в попытке заполнить «идеологический вакуум», оставленный марксистско-ленинской идеологией, новой «интегративной идеологией» [8, с. 3–12]. Квазитрадиционная проективистская идеолого-политическая риторика довольно отчетливо наблюдалась и в российской политической жизни 90-х гг. прошлого столетия. В России популярной в процессах политической институционализации была апелляция к традиции «русской идеи», национальным корням и даже буквальное использование триединой уваровской формулы, представляемой ценностями народности, православия и славянофильской «соборности».

«Проектное» видение будущего, с успехом применявшееся в советское время (например, построение коммунизма через двадцать лет), использовалось в постперестроечный период, проявив себя в «проективизации» либеральных реформ. Сторонники российского радикал-либерализма совершенно игнорировали вопрос о возможностях совмещения принципов западного либерализма в редакции Ф. Хайека и М. Фридмана с российской национальной культурной «почвой» и архетипами, с доставшимся в наследство социалистическим авторитаризмом. «Абсолютная» идея построения либерального капитализма поглотила все относительное, оставив за рамками политического обсуждения вопросы о средствах и «цене» ее достижения, а также вопросы формирования гражданской электоральной культуры населения. Правда, можно предположить, что без подобного, безоглядного продавливания новых рыночных ценностей не могло быть и речи о хоть каком-то частном их успехе и институционализации.

На первом уровне институционализации национальные бюрократии солидарны с нарождающимися структурами гражданского общества. Однако со временем существующие между указанными акторами противоречия в целях и формах модернизации экономических отношений и реформирования политической системы и государства, проявляются все острее и разрушают относительное социальное и политическое равновесие, свойственное первому уровню. Период реформаторской романтики постепенно заканчивается, и политическая институционализация переходит на второй уровень.

Прежде чем перейти к анализу второго уровня институционализации демократических выборов, сделаем несколько уточнений. Аксиоматичным стал вопрос об альтернативности исторического процесса. И этот механизм по-разному работал в бывших социалистических странах. На момент прохождения первого уровня институционализации в бывших соцстранах сложились качественно разные условия дальнейшей эволюции, и в силу этого они выбрали разные пути развития на этой исторической развилке.

Одна группа стран – государства Восточной и Юго-Восточной Европы, прибалтийские государства, проводя разумную политику, обеспечивавшую демонополизацию экономики и достаточно частые выборы, каждый раз открывавшие возможность смены правящей элитной группы, а также имея внешний стимул – войти в состав благополучного тогда европейского сообщества, сумели в рамках первого уровня накопить достаточное количество предпосылок для институционализации демократических выборов. После прохождения этой истори-

ческой развилки они пошли по пути интеграции в ЕС, в чем заметную роль сыграла заинтересованность стран ЕС и США в таком шаге, включавшая и серьезную финансово-экономическую поддержку.

А другая группа стран – практически все оставшиеся бывшие союзные в рамках СССР республики – после прохождения исторической развилки, имевшейся в рамках первого уровня, пошли по другим путям развития. Скорее всего, их иной выбор определялся силой шока от жизни в условиях тоталитарного общества. Все они на одно – два поколения дольше существовали в условиях жесткого авторитарного социализма. В этих странах по-иному пошел процесс рыночных реформ. Реформы привели к возникновению государственно-монополистического, в высшей фазе государственно-олигархического капитализма.

Ну а экономическая монополизация довольно быстро дополнилась политической. В результате процесс институционализации демократических выборов в отличие от стран Восточной Европы и прибалтийских государств затормозился, приобрел более сложный и длительный характер.

Они перешли на второй уровень политической институционализации. В рамках предлагаемой нами модели он определен как «уровень электорального практицизма». О его специфическом содержании можно говорить только по отношению к государствам-бывшим советским республикам. На данном уровне политическая романтика перестает быть для субъектов политических преобразований основным мотивом трансформации электоральных процессов. Население постепенно начинает осознавать, что политическая и экономическая власть с использованием механизма выборов передана далеко не самым лучшим его представителям, а полученные ресурсы властной элитой используются ею в своекорыстных интересах перераспределения и закрепления огромной по своим масштабам собственности.

Итак, можно говорить о том, что только пять государств – Россия, Казахстан, Белоруссия, Азербайджан и Украина – перешли на второй уровень институционализации демократических выборов. В России, Казахстане, Азербайджане, чуть раньше в Белоруссии и в какой-то степени в Украине, монополизировавшие политическую власти группы интересов навязывают обществу с помощью информационных и политических ресурсов патерналистский социальный контракт, позволивший им разменять ценность свободных демократических выборов на программы борьбы с бедностью и обещание социальной стабильности, обеспечивающей рост доходов социальных групп, составляющих будущий средний класс. Почти в это же время в среднеазиатских республиках вопрос институционализации демократических выборов вообще снимается с повестки дня. В этих государствах устанавливается жёсткий электоральный авторитаризм, откладывающий на неопределённый срок выход на первый уровень институционализации демократических выборов.

Итак, можно говорить о том, что только пять государств – Россия, Казахстан, Белоруссия, Азербайджан и Украина перешли на второй уровень институционализации демократических выборов. На втором уровне политической институционализации экономическая и социальная несправедливость, проявляющаяся отчетливее всего в скачкообразном росте социальной дифференциации, становится основным фактором, определяющим отношение населения к участию в электоральных процессах, формируя прагматическое отношение к выборам: вы нам обеспечьте рост доходов, отремонтируйте дом, решите иные коммунальные проблемы, а мы только после этого пойдем на выборы и отдадим вам свой голос. От выборов к выборам растет социальная, да и финансовая, цена участия каждого избирателя в голосовании. Разумеется, подобный политический шантаж со стороны избирателей малоэффективен, и если бы не СМИ и давление международного общественного мнения, власть вообще бы не реагировала на локальные стихийные протестные акции. Тем не менее, символический ресурс прагматически ориентированного общественного мнения позволяет хоть в какой-то мере влиять на действия депутатов и чиновников.

Политики же ориентируются на технологии социального мифотворчества и использование в своих интересах символического капитала создаваемых при участии масс-медиа новых идеологических мифологем типа социальной стабильности или стратегического инновационного рывка. После того как эйфория смены власти на очередных федеральных или республиканских выборах проходит, политические партии и кандидаты начинают усиленно реализовывать на практике идеологические концепты Д. Лоуэнштейна, который писал, что идеологическая мобильность (и эффективность) зависят от упрощения, популяризации и даже вульгаризации, выполненных через технику символов [1, с. 171].

Представители левых движений продолжают использовать модифицированный вариант риторики советских времен, тем не менее, в большей мере апеллируя к сознательности и свободе электорального выбора. Однако и властвующая элита, и левая псевдооппозиция, и другие политические акторы ориентируются на семиотические стратегии пропаганды и коллективного внушения, отвечающие латентному симбиозу субкультуры недовольных, которые охарактеризованы С. Московичи как обольщение масс. Наряду с технологиями обольщения масс совершенствуется и механизм административного управления институтом выборов. Искусственно купируется численность политических партий, имеющих право участвовать в выборах. Кстати, практически тот же эффект имеет и прямо противоположный ход – абсолютная либерализация формирования партий, что по-своему также позволяет управлять электоральным поведением граждан. Далее, повышается проходной барьер, позволяющий партиям добиваться успеха на выборах. Запрещается участие в выборах партийных коалиций и общественных (не имеющих юридического статуса партий) объединений. Время проведения избирательных кампаний локализуется сначала до двух дней в году, а затем и до одного раза в год. Прямые выборы в верхнюю палату Совета Федерации и руководителей субъектов Федерации заменяются разного рода сложными механизмами назначения.

На уровне региональных столичных муниципалитетов прямые выборы глав заменяются созданием двуглавой системы управления. В избирательную практику вводятся правовые нормы, ограничивающие возможности консолидации мнения протестно настроенных граждан – отказ от графы «против всех кандидатов» и отменяющие обязательный процент – порог явки избирателей в день голосования. В зависимости от политической конъюнктуры вносятся изменения в избирательную систему – переход от смешанной к пропорциональной и обратно, распространение пропорциональной системы для партий на муниципальные выборы вплоть до поселенческих. Применяется сложный и легко оспариваемый властью механизм сбора подписей кандидатами и партиями, не имеющими избранных в Государственную Думу депутатов. Модификацией этого административного ресурса, при возвращении выборности глав субъектов Федерации, становится муниципальный фильтр для кандидатов – необходимость собрать в свою поддержку определенное количество (процент) голосов депутатов представительных органов муниципальной власти. Создается практика неравного доступа в период избирательной кампании к СМИ и другим рекламным носителям. С помощью судебных решений неблагонадежным кандидатам либо отказывают в регистрации, либо их снимают с участия в выборах. Использование разных способов вброса бюллетеней в избирательные урны: прямой вброс, голосование на дому, появление дополнительных списков избирателей, технология избирательных каруселей и т.п. обеспечивает высокий результат на выборах представителей партии власти.

Всячески дискредитируется и маргинализируется деятельность оппозиционных групп и лидеров. Проводится политика консолидации властвующей элиты, недопущения возникновения контрэлиты и разобщения гражданского общества. Создаются правовые нормы, затрудняющие функционирование структур третьего сектора, вплоть до применения избирательной репрессивной политики по отношению к каким-то неугодным общественным организациям.

Таков возможно далеко не полный набор инструментов административного управления выборами со стороны властных структур, что и завершает характеристику зрелого второго уровня институционализации демократических выборов в России.

Подводя итоги анализа второго уровня политической институционализации, необходимо признать присущее ему изменение характера общественных потребностей в новых типах социальной деятельности. Надежды на скорейшее повышение уровня жизни у большей части общества проходят, локальные экономические и социальные реформы чаще всего приводят к ухудшению материального положения какой-то части населения и даже сокращению политических свобод. Пришедшая к власти политическая и бизнес-элита создает организационные структуры, основной задачей которых является удержание власти и собственности после завершения процессов ее перераспределения. На это же нацелены и формируемые масс-медиа регулятивы политического поведения. В результате у значительной части населения происходит психологическое отторжение предложенных в начале радикальных реформ новых рыночных (капиталистических) социальных норм и ценностей, но не происходит формирования на их основе системы потребностей личности, соответствующих требованиям гражданско-

го поведения. Возникает новый правящий класс, который перестает говорить о реформах, планировать их осуществление, готовый, благодаря использованию политических инструментов в условиях второго уровня институционализации, преобразовать политическую систему в соответствии со своими взглядами, социальными потребностями и интересами и законсервировать её. Насколько успешными могут быть подобного рода попытки, рассмотрим, анализируя итоги выборов в единый день голосования 8 сентября 2013 года.

Прошедшие 8 сентября 2013 года выборы «Российская газета» предлагает рассматривать практически как федеральные по масштабу.

«Уровень кампании практически федеральный: свыше 7000 выборов разного уровня, коснутся они 55 миллионов избирателей, а пройдут на 44000 избирательных участках.

Напомним, что в восьми субъектах Федерации – Республике Хакасии, Забайкальском и Хабаровском краях, Владимирской, Магаданской, Московской областях, Москве и Чукотском автономном округе – выбирают губернаторов. Также в восьми регионах избирают мэров областных столиц, в 16 – депутатов местных парламентов, еще в 12 – депутатов Законодательных Собраний административных центров субъектов Федерации. И это только крупные кампании, не затрагивающие местный уровень, где разыгрываются 40713 мандатов, – это в полтора раза больше, чем в прошлом году» [4].

Что же примечательного было в прошедших выборах, в аспекте институционализации их демократического или наоборот характера?

Во-первых, изменилась установка федеральной власти на характер ценностных ожиданий их содержания. Если до декабря 2011 года властвующая элита руководствовалась принципом «победа любой ценой», то в преддверии избирательной кампании В. Володин, первый заместитель руководителя администрации Президента, озвучил новую формулу «Легитимность – это не то, сколько ты набрал, а то, кого ты честно и открыто победил» [3].

Применение этого принципа на практике открыло возможность реализации двух сценариев проведения выборов глав субъектов Федерации и глав крупных городов – конкурентного и референдумного [5]. По факту можно сказать, что из 16 избирательных кампаний этого уровня только три попадают под критерий конкурентного сценария выборов – выборы мэра Москвы, выборы главы Петрозаводского городского округа и выборы председателя городской думы г. Екатеринбурга. В Москве победил представитель властвующей элиты С. Собянин, в Екатеринбурге и Петрозаводске – оппозиционные кандидаты: Е. Ройзман, выдвинутый региональным отделением политической партии «Гражданская Платформа», и Г. Ширшина, самовыдвиженец, поддержанная региональным отделением партии «Яблоко».

Во-вторых, естественно, что по разным причинам, но по-прежнему остро стоит вопрос о прохождении кандидатами процедуры регистрации.

На выборах 2013 года минимальный муниципальный фильтр – получение подписей 6% депутатов – установлен в Москве, в трех из восьми регионов, где проходили выборы губернатора, был установлен максимальный показатель сбора подписей – 10%.

Относительно роли и значения муниципального фильтра в отборе кандидатов С. Бочарова в своей статье пишет:

«Муниципальный фильтр на выборах губернаторов стал частью административного ресурса, а манипулирование им – главной политтехнологией, позволяющей кандидату от власти подбирать себе спарринг-партнеров: подписи муниципальных депутатов проходят кандидаты-спойлеры и технические кандидаты, готовьте играть «договорной матч» и не настроенные на победу, но, как правило, не кандидаты, опасные для выдвиженцев власти, следует из анализа итогов регистрации на губернаторских выборах, приведенного в докладе холдинга политолога Евгения Минченко Minchenko Consulting.

Муниципальный фильтр позволил нейтрализовать опасных для власти кандидатов во Владимирской области и Забайкальском крае, приводят пример эксперты, противостоять административному ресурсу смогла только КПРФ, да и то не везде. В ряде регионов фильтр не преодолели более половины кандидатов – в Новгородской, Брянской и Рязанской областях в 2012 г., в Московской области – в 2013 г. Полный административный контроль над списком кандидатов снижает не только его количественные, но и качественные характеристики – политическое меню составляется так, чтобы предопределить выбор избирателей – считают эксперты. В результате в большинстве из восьми регионов, где выборы проходят в этом году, предвыборная гонка лишь имитируется. Ис-

ключение составляют Москва и Московская область, где власти решили провести образцово-избирательные кампании, допустив к участию сильных оппозиционеров, – указывают авторы доклада» [2].

В целом на выборах 8 сентября 2013 года заметно выросло количество кандидатов от политических партий и самовыдвиженцев, что является ещё одной их характерной особенностью.

«В итоге если в октябре 2012 г. в выборах имели право принимать участие 25 партий, то в избирательной кампании 2013 г. – 54. И все они, по данным ЦИК, выдвигали кандидатов на эти выборы. Помимо партий, в кампании участвовали еще 14 общественных объединений.

Не смогли зарегистрироваться всего 2% от общего числа кандидатов – втрое меньше, чем на прошлых выборах, – утверждают в ЦИК. Средний конкурс на пост губернатора составил пять человек на место, а на место депутата Законодательного Собрания – 26,2 человека. «Это высочайшая политическая конкуренция за всю историю российских выборов», – говорил на прошлой неделе зампредседателя ЦИК Леонид Ивлев» [9].

Дополним эту информацию тем, что в выборах участвовало больше 20 тысяч кандидатов самовыдвиженцев, и что 36 политических партий по итогам выборов получили депутатские мандаты в разного уровня представительных или исполнительных органах власти.

В-третьих, об обстоятельствах не очень хороших.

В силу того, что политическая география в России весьма разнообразна, тезис В.Володина о конкурентности выборов в разных регионах был воспринят по-разному. Прошедшие в сентябре выборы все-таки внесли свой вклад в копилку способов противодействия честным и конкурентным выборам.

На стадии регистрации и ведения избирательной кампании в некоторых регионах – Ростовская область, Забайкальский край – введение в избирательную кампанию партий и кандидатов-двойников, таких как Демократическая партия России, Социал-демократическая партия России, Народная партия России, Гражданская позиция и даже КПСС (Коммунистическая партия социальной справедливости). Естественно, участие таких партий-клонов могло привести к потерям голосов у их раскрученных действующих аналогов.

Ещё один способ использования административного ресурса в борьбе за голоса избирателей, применявшийся в ходе выборов, – это перекрытие каналов для проведения агитационной работы.

Газета «Ведомости» отмечает: «В Москве, где выборы ближе всего находились к задавшей тон их конкурентности администрации Президента, управы, префектуры эксплуатационные компании получили от мэрий указание снимать агитационные материалы, размещенные не в «специально отведенных местах». В реальности, убеждены в штабе КПРФ, – это распоряжение было истолковано коммунальными службами как требование убирать с улиц города любую агитацию, не особенно разбираясь, законная она или нет: объявления о встречах с кандидатом, листовки, баннеры, которые висят на балконах. Полиция практически ежедневно задерживала активистов КПРФ, раздающих брошюры, календарики, буклеты с программой кандидата КПРФ, рассказывал «Ведомостям» депутат-коммунист Валерий Рашкин.

Навальный столкнулся не только с тем, что коммунальные службы демонстрировали агитационные баннеры, которые его сторонники вывешивали на собственных балконах (как выяснилось, это нарушает требования к виду фасадов), но и с отказом рекламодателей размещать его материалы. От исполнения соглашений по размещению рекламы под разными предлогами практически одновременно отказались сеть «Одноклассники» и радиостанция «Авторадио», внезапно оказались заняты и билборды, зарезервированные под Навального» [9].

В-четвертых, многие аналитики акцентируют внимание на том, что в целом на выборах губернаторов и глав городов явка избирателей оказалась либо низкой (до 35%), либо крайне низкой – как, например, во Владивостоке (15,5%) и Вологде (18%), за единственным исключением – на выборах губернатора Чукотского автономного округа голосовать пришли почти 58% избирателей.

На выборах в Законодательные Собрания явка в среднем была чуть выше, а абсолютным рекордсменом по явке в единый день голосования 8 сентября привычно стала Чечня: на выборах Законодательного Собрания республики на избирательные участки пришло 92% избирателей.

Однако частью экспертов высказывается мнение о том, что для региональных и

муниципальных выборов показатель явки чуть меньше 33% может считаться вполне приличным, с чем нельзя не согласиться. Возможно, она воспринимается как низкая по сравнению с нашими ожиданиями. Потому что хотя выборы, например в Москве, имеют статус региональных, но, конечно, в общественном мнении им придавалось всероссийское политическое звучание и значение. И поэтому были ощущения, что на такого рода мероприятие, весьма политизированное, должно прийти больше избирателей, чем обычно ходят на региональные выборы. Но этого не случилось. Тут еще есть и второй аспект. Эксперты отмечают, что сторонники А. Навального очень активно работали со своим электоратом в плане того, чтобы побудить его, мобилизовать его прийти на участки и проголосовать, то сторонники С. Собянина в этом плане вообще почти не работали. А у С. Собянина сторонников и было, и осталось существенно в несколько раз больше, чем у А. Навального. Но они предпочли в этот день заняться чем-то другим. Возможно, на снижение явки сработал сам единый день голосования, который был определен на второе воскресенье сентября – с понятными последствиями в виде многочисленных уехавших отпускников и заботливых обладателей садово-огородных и дачных участков. Для многих горожан выходные в начале сентября это время «Ч». На наш взгляд законодательно ещё раз стоит подумать о переносе единого дня голосования, например на более удобное 2-е воскресенье октября. Часть отмеченных проблем, влияющих на снижение явки в этом случае будет снята.

Согласно формальной логике разработки теоретических моделей, третий уровень политической институционализации, который обозначен как «уровень гражданского реализма», является либо этапом завершения формирования политического института демократических выборов, либо после прохождения точки бифуркации становится этапом возврата в исходное состояние формирования политического института выборов. Таким образом, на этом уровне происходит либо завершение процесса институционализации, либо возврат в исходное состояние формирования политического института выборов и переход к реализации иных сценариев институционального развития российского общества.

В транзитивных обществах, в т.ч. и в России, процесс политической институционализации демократических электоральных институтов может считаться завершенным при достижении следующих условий:

– появление в обществе наряду с элитой контрэлиты, стремящейся прийти на смену правящему политическому классу;

– демонополизация экономической и политической сфер жизни общества;

– наличие сформировавшегося широкого слоя среднего класса, способного обеспечить политическую стабильность общества;

– достижение предельно низкого уровня политической и экономической коррупции;

– наличие прозрачных процедур проведения выборов, с возможностью контроля за их ходом и подсчетом результатов со стороны всех заинтересованных политических акторов;

– функционирование независимой правовой, в том числе судебной, системы;

– возможности равного доступа к ресурсам национальных и региональных масс-медиа представителей различных политических сил, в том числе оппозиционных.

Указанные предпосылки являются необходимыми и достаточными для завершения процесса институционализации. Если же указанные выше условия процесса политической институционализации электоральных институтов не соблюдаются, то есть вектор политического развития направлен в противоположном направлении, то в сознании широких масс формируется убежденность в том, что институт выборов так и не завершил своего переформатирования и поэтому не заслуживает доверия, а политическая система не устоялась, слишком сильно зависит от персоны, находящейся на вершине властной пирамиды, поэтому постоянно испытывает сильный дефицит легитимности. После достижения в ходе процессов политического реформирования точки бифуркации возможны возвратные регрессивные переходы на более низкие уровни формирующегося политического института выборов и реализация иных сценариев развития политической системы общества.

1. Актуальные проблемы современной политической науки США [Текст] // Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. II. М., 1990.

2. Бочарова, С. Фильтрованная свобода. [Текст] // Газета «Ведомости». 2 сентября 2013 г.

3. Виноградов, М. Губернаторские выборы – 2013: управляемость versus легитимность [Текст] // Новая газета. 12 августа 2013 г. № 88.

4. Днем единым [Текст] // Российская газета. 6 сентября 2013 г.

5. Доклад фонда развития гражданского общества [Электронный ресурс].URL: www.civilfund.ru/mon/32 (дата обращения: 01.10.2013 г.).

6. Зырянов, С.Г. Институционализация демократических выборов в современной России [Текст] // Социум и власть. 2005. № 3. С. 35–49.

7. Зырянов, С.Г. Развитие института региональных выборов: проблемы и перспективы [Текст] // Социум и власть. 2006. № 2. С. 28–43.

8. Зырянов, С.Г. Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов (политологический анализ) [Текст] / С.Г. Зырянов. Автореферат дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Челябинск, 2008. 59 с.

9. Корня, А. Как управляют честными выборами [Текст] / А. Корня, С. Бочарова // Газета «Ведомости». 9 сентября 2013 г.

10. Косолапов, Н.А. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов [Текст] // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 3–24.

11. Новый (БЭС) энциклопедический словарь [Текст] / М.: РИПОЛ классик, 2012.

12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / М.: Русский язык, 1986.

---

1. Aktual'nye problemy sovremennoj politicheskoj nauki SShA [Tekst] // Zarubezhnaja politicheskaja nauka: istorija i sovremennost'. Vyp. II. M., 1990 (Russian).

2. Bocharova, S. Fil'trovannaja svoboda. [Tekst] // Gazeta Vedomosti. 2 sentjabrja 2013 g. (Russian).

3. Vinogradov, M. Gubernatorskie vybory – 2013: upravljaemost' versus legitimnost' [Tekst] // Novaja gazeta. 12 avgusta 2013 g. № 88 (Russian).

4. Dnem edinym [Tekst] // Rossijskaja gazeta. 6 sentjabrja 2013 g. (Russian).

5. Doklad fonda razvitija grazhdanskogo obshhestva [Jelektronnyj resurs].URL: www.civilfund.ru/mon/32 (data obrashhenija: 01.10.2013 g.) (Russian).

6. Zyrjanov, S.G. Institucializacija demokraticheskih vyborov v sovremennoj Rossii [Tekst] // Socium i vlast'. 2005. № 3. S. 35–49 (Russian).

7. Zyrjanov, S.G. Razvitie instituta regional'nyh vyborov: problemy i perspektivy [Tekst] // Socium i vlast'. 2006. № 2. S. 28–43 (Russian).

8. Zyrjanov, S.G. Sovremennye jelektoral'nye processy: vzaimosvjaz' povedencheskogo i institucional'nogo aspektov (politologicheskij analiz) [Tekst] / S.G. Zyrjanov. Avtoreferat diss. ... dokt. polit. nauk: 23.00.02. Cheljabinsk, 2008. 59 s. (Russian).

9. Kornja, A. Kak upravljajut chestnymi vyborami [Tekst] / A. Kornja, S. Bocharova // Gazeta Vedomosti. 9 sentjabrja 2013 g. (Russian).

10. Kosolapov, N.A. Integrativnaja ideologija dlja Rossii: intellektual'nyj i politicheskij vyzov [Tekst] // Voprosy filosofii. 1994. № 1. S. 3–24 (Russian).

11. Novyj (BJeS) jenciklopedicheskij slovar' [Tekst] M.:RIPOL klassik, 2012 (Russian).

12. Ozhegov, S.I. Slovar' russkogo jazyka [Tekst] / M.: Russkij jazyk, 1986 (Russian).

UDC 324

INSTITUTIONALIZATION OF DEMOCRATIC ELECTIONS IN RUSSIA: THE LESSONS OF THE FIRST UNIFIED DAY OF VOTING

Zyrjanov Sergey Grigorjevich,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, director,
the head of the chair of politology and political management, Doctor of political sciences, professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@rane74.ru

Annotation
The author suggests, justifies and considers the three-level theoretical model of the process of institutionalization of democratic elections in the countries, passing over from the autocratic socialist political regime to the democratic ones.

Key concepts:
elections, the level of institutionalization, electoral behavior, political romanticism, electoral pragmatism, civilian realism.